

Черное море от всякого проникновения в него посторонних. Только ее кораблям разрешалось плавать по Черному морю. Осуществление этого проекта экономической политики — монопольного пользования Северным Причерноморьем — было тем более легко, что ни один иностранный корабль не мог пройти в Черное море незамеченным мимо причалов и морской стражи Константинополя.

В связи с этим мы полагаем, что ни венецианцы, ни другие итальянские купцы не могли иметь и не имели регулярных торговых связей с Северным Причерноморьем до 1204 г., т. е. до того момента, когда и морская дорога, ведущая из Средиземного в Черное море, и сам Константинополь оказались в руках латинян. Отсюда понятно, почему Мануил, готовя разгром венецианской колонии на территории империи в 1171 г., пошел на уступки генуэзцам, допустив их проникновение в Черное море, за исключением, однако, берегов Азовского моря. Понятно также, почему в договорах Венеции с Византией в XI—XII вв. нет упоминания ни об одном пункте на берегах Черного и Азовского морей, хотя в договорах девяностых годов XII в. венецианцы перечисляли все сколько-нибудь значительные пункты, пригодные для их торговли. В договоре о разделе империи венецианцы не обеспечили за собой никаких территорий и торговых городов по берегам Черного моря. Очевидно, тогда в Венеции не существовало сколько-нибудь значительной группы купцов, которая могла бы побудить венецианское правительство захватить какие-либо пункты в Северном Причерноморье.

Литература, посвященная русско-византийским отношениям XIII—XV вв., еще более скудна. Наиболее видными представителями ее являлись церковные историки, изучавшие взаимоотношения русской и византийской церкви. Такова, например, книга Т. В. Барсова „Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью“.¹ Наиболее обстоятельное изложение событий церковной истории древней Руси дано в работе Е. Е. Голубинского „История русской церкви“, доведенной до середины XVI в. (2 т., 1880—1904). Важнейшее достоинство этой работы заключается в том, что автор ее, опираясь на многочисленные исторические источники, смело, поскольку это было возможно для русского церковника, разрушает целый ряд церковных легенд.

Критицизм Голубинского не идет, однако, дальше определения подлинности или неподлинности источников, а историческое мировоззрение его в достаточной степени ограничено. Голубинский не анализирует исторических фактов, но собранный им богатый фактический материал дает возможность вскрыть классовый характер церковной организации в России.

Об этом же периоде русско-византийских отношений говорит книга В. Саввы „Московские дари и византийские василевсы“.² В ней Савва убедительно доказывает, что московский придворный чин царского венчания в XV—XVI вв. складывался самостоятельно и не был скопирован с византийского образца. То же можно сказать о посольском чине и практике дипломатических отношений Москвы с другими государствами.

Позднее, в эпоху империализма, в среде реакционных буржуазных историков менялись и взгляды на историю отношений России с Византией. Появившиеся новые византиноведческие работы отвергали выводы К. Цахарие фон Лингентала, В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского

¹ СПб., 1878, стр. 367—578.

² Харьков, 1901.